

А.В. ЩИПКОВ

ИДЕОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОГО
ТРАДИЦИОНАЛИЗМА
СОЦИАЛ-ТРАДИЦИЯ

НАУЧНЫЙ МАНИФЕСТ

Щипков А. В.

**ИДЕОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОГО
ТРАДИЦИОНАЛИЗМА
(СОЦИАЛ-ТРАДИЦИЯ)**

НАУЧНЫЙ МАНИФЕСТ

РОССИЙСКИЙ
ПРАВОСЛАВНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ СВ. ИОАННА БОГОСЛОВА

МОСКВА * 2023

Рекомендовано к печати решением Учёного совета Российского
православного университета св. Иоанна Богослова

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

Гаман-Голутвина Оксана Викторовна,
член-корреспондент РАН, профессор, заведующая
кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России

Кирилл (Зинковский), епископ Зеленоградский,
викарий Святейшего Патриарха Московского и всея Руси,
доктор богословия, ректор Московской духовной академии и семинарии

Шутов Андрей Юрьевич,
член-корреспондент РАН, профессор, декан факультета политологии,
заведующий кафедрой истории
и теории политики МГУ им. М. В. Ломоносова

Щ84 **Щипков А. В.**

Идеология социального традиционализма (социал-традиция): науч. издание. – М.: РПУ св. Иоанна Богослова, 2023. – 64 с.

Научный манифест А. В. Щипкова «Идеология социального традиционализма (социал-традиция)» предлагает читателю современную концепцию традиционализма. Сегодня это направление строится на принципах «двойной» общественной солидарности: как между современниками («горизонтальной»), так и межпоколенческой («вертикальной»). Представление о первом типе солидарности исторически складывалось в рамках левой мысли. Второй тип восходит к классическому традиционализму, настаивает на приоритете исторического наследия, традиционных ценностей и на неприятии исторических разрывов в общественной жизни. Актуальность социального традиционализма (социал-традиции), по мысли автора, растёт по мере углубления кризиса неолиберального глобализма и ускорения процессов деглобализации, которые наблюдаются в настоящее время. Работа адресована государственным чиновникам, политикам, священству, научным сотрудникам и студентам.

ISBN 978-5-6049786-2-7

УДК 32.01:329.11
ББК 60.523

© Щипков А. В., 2023
© АНО ВО «Российский
православный университет
св. Иоанна Богослова», 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение. О понятии «социал-традиция»	5
1. Истоки и кризис глобального неоллиберализма	17
2. Генезис колониально-капиталистической модели развития	22
3. Миф превосходства и логика колониалистского дискурса	24
4. Развитие исторического феномена нацизма	27
5. Социал-традиционализм как альтернатива неоллиберализму, колониализму и модернистскому фундаментализму	30
6. Роль категорий справедливости и солидарности в социал-традиционализме	36
7. Социал-традиция и русский культурно-исторический тип	39
8. Проблема разрывов традиции в российской истории	45
9. Перспективы складывания нового политико-идеологического спектра	48
10. Европейское пространство и христианская репатриация	51
11. Общая концептуализация понятия «традиция» в социал-традиционализме	53
12. Социал-традиционализм и методология традиционалистики	57
ОБ АВТОРЕ	63

ВВЕДЕНИЕ. О ПОНЯТИИ «СОЦИАЛ-ТРАДИЦИЯ»

Само понятие «социал-традиция» (социальный традиционализм) говорит о глубоком внутреннем родстве идей социальной справедливости и традиционных ценностей и о неестественности любого их противопоставления. Такое противопоставление является одной из навязанных обществу ложных альтернатив. Оно возникло и поддерживается в рамках идеологии неолиберализма, которая сегодня испытывает упадок объяснительных возможностей, и это делает весьма вероятной смену идеологической парадигмы. Такая смена приведёт к снятию в коллективном сознании искусственного барьера между традиционалистской оптикой и идеями социального равенства.

Упадок неолиберального мировоззрения вызван серьёзным кризисом социально-экономической модели глобального капитализма. Эта модель была сформирована на основе отношений колониальной зависимости, мифов о превосходстве одних людей над другими и диктата транснациональной финансовой олигархии. Поэтому в ходе анализа данной модели в книге показана общность ценностного базиса колониализма, нацизма и неолиберального глобализма.

Выход из состояния исторического тупика возможен при выполнении двух условий: отказа от неокOLONIAЛИСТСКОЙ, НЕОНАЦИСТСКОЙ и НЕОЛИБЕРАЛЬНОЙ идеологии и восстановления культурной и духовной связи

с собственной традицией — аутентичным христианством, исключая идеи превосходства, неравенства и избирательного «знания посвящённых» (гностицизма).

Восстановив связь с собственной традицией, обществу необходимо исключить подобные исторические разрывы в будущем. В реализации этой общемировой задачи немалая роль будет принадлежать России, если ей удастся сохранить и удержать живую связь с византийской формой христианства. Важным шагом к решению этой задачи является возврат Россией Корсуни-Херсонеса и «крымский консенсус», позволивший преодолеть разделение общества на белых и красных. Также для выполнения стоящих перед ними исторических задач русским необходимо осознать последствия геноцида, которому они подверглись на протяжении XX и в начале XXI века и который получил в русском обществе имя «плаха».

После смены в ближайшем будущем идеологической парадигмы и социально-экономической модели приоритет в обществе может получить продуктивный синтез социалистических и традиционалистских идей.

Для *социал-традиционализма* и соответствующего ему состояния культуры — *аксиомодерна* — характерно особое отношение к традиции — не как к консервации этнокультурных особенностей или государственных институтов, а как к принципу этически опосредованной связи между современниками («большое общество») и разными поколениями («договор поколений»). Укрепление такой связи имеет целью надёжное наследование социального опыта и верность исторической миссии народа.

Данный комплекс идей исключает разрывы исторические (распад структур коллективного опыта, противопоставление традиции и модерна) и социальные (мифы превосходства, гражданские конфликты), а также все формы социального неравенства.

Социал-традиционализм предполагает восстановление принципов классической демократии большинства, поскольку традиция является общим достоянием множества людей.

Естественные пределы глобализации достигнуты. Модель развития, которую США и мировой правящий класс навязали миру в 1990-е, предполагала контроль над местными элитами стран периферии за счёт эмиссионного ресурса доллара. Но мировой кризис поставил под вопрос этот гегемонистский проект. Усиливается падение эффективности капитала. Проект начинает сыпаться. Возможности развития данной парадигмы исчерпаны.

Вопреки мессианской идеологии неолиберализма и его декларативной гуманистической риторике мир сегодня наблюдает архаизацию неолиберальной модели общества. Это выражается во всё более активном применении в мировой политике «проекции силы», в упадке неолиберального идеологического дискурса и накоплении в рамках этого дискурса неразрешимых противоречий, в резком снижении уровня социальных гарантий, в воинствующей христианофобии и дехристианизации, в реабилитации нацизма и фундаментализма, в появлении феномена «новой дикости» в современном культурном пространстве.

Мир сегодня стоит на пороге кардинальной «перестройки», подобной той, которая когда-то происходила в СССР. Сегодня от каждого отдельного народа зависит, станет ли он топливом для обречённого геополитического проекта или получит право и возможность выбирать собственную судьбу. Наша общая задача — успеть создать новую модель социального развития прежде, чем старая «постройка» рухнет окончательно.

Идейный пафос либерального общества заключается в придании этому обществу статуса особой, наиболее передовой цивилизации. Правда, критерий такой «цивилизованности» всегда носил утилитарный характер. Западное общество имело наиболее прагматичные и самостоятельные общественные институты, однако энергию этому развитию (как техническому, так и социальному) сообщали ресурсы, которые выкачивались из колоний, а затем из стран экономической периферии. Все плюсы проекта оплачены средствами, накопленными в ходе колониальных захватов. Колониализм является драйвером либерального капитализма.

С самого начала данная практика породила миф культурного превосходства, который выступал в роли концептуального ядра колониализма. Феномен германского нацизма, в сущности, представлял собой продолжение колониалистской политики в её худших проявлениях.

Глубокая критика либерализма присутствует сегодня в пространстве как консервативной, так и левой мысли. Например, Иммануил Валлерстайн склонен вразрез с каноническим марксизмом рассматривать буржуазный

период как исторический зигзаг «самодержавия капитала», ведущий в сторону от магистрального пути истории — постепенной эгалитаризации докапиталистического общества.

Вопреки мнению о «закрытости традиционных обществ» и «тоталитарности», связанной с этой закрытостью, тоталитаризм — продукт либеральной культуры Нового времени. Большую часть идеологий XX века объединяет общий моральный императив, а именно закон тотальной конкуренции, он же — принцип естественного отбора, перенесённый из животного мира в человеческое общество. В эпоху социализма эту доктрину принято было называть «социал-дарвинистской». Второй общий признак ряда идеологий XX века — это модель расколотого, разделённого мира и «градация человеческого материала», обоснование имманентного неравенства.

Современному западному миру предстоит кардинальное переосмысление своего исторического прошлого и переоценка базовых ценностей, безусловный отказ от колониалистской идеологической матрицы, породившей нацизм (радикальную форму колониализма), коммунизм (авторитарную реакцию на колониализм) и неолиберальную глобализацию (современную форму колониализма). В ближайшем будущем никто не сможет выдавать лицензию на «цивилизованность» и угнетать другие народы.

Одновременно Западу предстоит отказаться от разрыва с собственной (христианской) традицией и вернуться к христианским ценностям, а остальному миру — освободиться от чужих социальных моделей и возвратиться к собственному институциональному

наследию. Ни одна цивилизация в мире, кроме западной, никогда не строила своё развитие на разрушении собственной традиции, на отказе от неё. Без преодоления болезненной христианофобии и рефлексов исторического шовинизма и вандализма невозможно восстановление фундаментальных общественных начал.

Противопоставление традиции и современности как «нерационального» и «рационального», «варварства» и «цивилизации» уходит в прошлое и уступает место идее диалектичности традиции. Тем не менее новое будущее может сформировать только «высокий», прогрессивный традиционализм. В Европе этому требованию удовлетворяет определённая часть христианской традиции, на Ближнем Востоке — ислама. Высокая традиция выступает как динамическая связь между прошлым и будущим и социальный механизм, устранивающий исторические разрывы и конфликты. А для этого она должна включать в себя этику эгалитаристского типа. Именно при таком условии традиция способна удовлетворить запрос на новый моральный консенсус.

Современную архаизацию и деградацию либерального модерна в ряде случаев называют контрмодерном. Состоится ли новый Большой стиль — аксиомодерн — или же господство контрмодерна станет долгосрочным системным явлением, во многом зависит от перспектив возможного синтеза христианской традиции и ценностей классической рациональности, которую необходимо очистить от идеологических спекуляций позитивизма и социал-расизма. Без возврата к подлинной рациональности не может быть и полноценного восстановления

христианского универсализма. В рамках переосмысления понятия традиции правому традиционализму необходимо противопоставить левый, социальный традиционализм, в котором этика справедливости стоит на первом месте. Языческому праву сильного — традицию христианского милосердия. Идейная полемика неизбежна, но она должна проходить в сфере традиционных смыслов, а не отвлечённых политических схем.

Важным следствием кардинальных перемен станет трансформация привычного политического спектра. Вместо классической триады «консерватизм — либерализм — социализм» обществу предстоит развиваться в рамках другого политического треугольника: «национализм — социализм — традиционализм».

Вполне вероятно, что основой формирования новой парадигмы развития станет продуктивный синтез левого и умеренно консервативного направлений мысли. Перспективным политическим трендом будущего является синтез традиционализма и социалистических идей, то есть социал-традиционализм. Этот вид традиционализма предполагает равноправие наций, народов и культур, утверждает их несравнимость, несоизмеримость и уникальность, а также выступает за общество социальной справедливости и преодоление болезненных исторических разрывов в жизни каждого народа.

Социал-традиционализм не имеет ничего общего ни с большевистской репрессивностью, ни с элитаризмом новых правых фундаменталистов и либералов, ни с такими понятиями, как «пассеизм», «охранительство», «архаика», «патриархальность». Развитие, закрепление

и воспроизводство социал-традиции происходит на основе ценностей социальной справедливости и идеала социального государства. Сторонников социал-традиционализма устраивает следующее определение: «Традиция — это совокупность способов сохранения исторической преемственности, основанных на наделении этическим смыслом процедур наследования».

Традиция — всеобщее достояние. Поэтому главный тезис социал-традиционализма заключается в том, что в обществе нет, и не может быть, лишних людей, у человечества в целом нет лишних народов, а в истории нет «лишних» времён. Даже советский период русской истории, несмотря на его радикальный отказ от традиции, даёт возможность находить и исследовать в нём те элементы, ту топику, которая сохраняет традиционные смысловые матрицы, пусть даже в искажённом и переозначенном виде.

Социал-традиционалистская модель «большого» общества предполагает семейственный тип социальных связей, исторический договор между поколениями, синтез концептов «наследия» и «проекта», сильное государство, справедливое распределение общественных благ, восстановление коллективных основ исторического сознания. Также социал-традиционализм означает возврат от фиктивной к реальной демократии, поскольку именно ценности традиции имеют общеобязательный характер для всех социальных слоев.

Традиция — не предмет реставрации, но метод социального и культурного строительства. Где нет «собирания» традиции, там есть разрыв с традицией — третьего

не дано. И жёсткие альтернативы, которые элита принудительно ставит перед обществом, — это всегда знак приближающегося или готовящегося разрыва.

Основу русской (русско-византийской) традиции и идентичности можно определить, используя известную формулу Макса Вебера, следующим образом: «православная этика и дух солидарности». Единство земного и небесного, соборности и солидарности, социальности — характерная русская черта. Именно поэтому русская религиозность включает в себя обострённое чувство земной справедливости, любовь к униженным и оскорблённым.

Социальная справедливость и равенство, к которым стремился советский строй, бесспорно, стали результатом не только усвоения марксизма, но и влияния православной этики, вытесненной в коллективное подсознание доктриной госатеизма и тем не менее дававшей о себе знать.

Русско-византийский мир — это мир, в котором люди не разделены на колонизирующих и колонизируемых, и в случае присоединения новых территорий они оказываются в рамках единого правового пространства. Символическое ядро русской национальной традиции тесно связано с темой Константинополя, являющейся крайне важной для русского культурного мифа. Сегодня в общественном сознании субститутом Константинополя является образ Крыма и Херсонеса-Корсуни, который не случайно привёл к примирению бывших белых и красных и формированию в обществе «крымского консенсуса» как основы национальной консолидации.

Речь сегодня идёт о том, чтобы выйти из ситуации с наименьшими потерями для всех. И условием этого выхода становится смена социальной парадигмы.

* * *

Сегодня тема будущего порождает во всём мире небывалое количество дискуссий. Нам эта ситуация хорошо знакома: она возникала в СССР перед перестройкой. И мы понимаем, что стоим на пороге новой, на этот раз уже мировой перестройки.

Не так давно считалось, что либерализм способен обеспечить устойчивое развитие в мировом масштабе. Но либеральная парадигма вопреки её гуманистической риторике сегодня ведёт не к прогрессу, а к архаизации общественной системы — к ставке на ультраправые нацистские идеи. Западный политический проект вновь возвращается к якобы преодолённому некогда колониалистскому дискурсу.

В этой ситуации возникает проблема выработки альтернативной — оптимальной — модели развития, которая включала бы в себя тот или иной образ будущего. Мировые элиты стоят перед выбором: пытаться ли сохранить мировой контроль с помощью проекции силы, эскалации конфликтов, инициирования «оранжевых революций» и осуществления военного вмешательства или признать, что глобализация достигла пределов, и начать демонтаж политических, экономических и идеологических оснований прежнего миропорядка.

Первое, что необходимо сделать для выбора благоприятного сценария будущего, — признать ошибочность и аморальность той модели развития, которая называется «колониальным капитализмом» и «неолиберальным глобализмом». Без полного и безоговорочного отказа от единого идейно-ценностного базиса колониализма, нацизма и неолиберального глобализма невозможно выздоровление общества.

Второе условие выбора благоприятного сценария — это преодоление разрыва общества с собственной (христианской) традицией. Ни одна цивилизация в мире, кроме западной, никогда не строила своё развитие на разрушении собственной традиции, на отказе от неё.

В случае удачного выхода общества из идеологического тупика нас ожидает кардинальная трансформация политического спектра. Вместо знакомой триады «консерватизм — либерализм — социализм» мы окажемся в рамках другого треугольника: «национализм — социализм — традиционализм».

Традиционализм — системообразующий фактор новой политико-идеологической парадигмы и основа возможной социал-традиционалистской общественной модели, которая включает в себя сильное государство, справедливое распределение благ, восстановление в правах коллективного исторического сознания, живой связи прошлого и будущего, синтез концептов «наследия» и «проекта», позволяющий устранить исторические разрывы.

Традиционализм в универсальном смысле — это уважение к любым традициям как к основе реальной

демократии, если только они не исповедуют идею превосходства. В рамках универсального традиционализма все культуры и цивилизации считаются уникальными в равной мере. Соблюдается принцип их несравнимости и несоизмеримости, то есть «культурно-ценностного плюрализма». Универсальному традиционализму противостоит универсальный либерализм, который исповедует идею обобщённых «западных ценностей» как ценностей универсальных (общезначимых). Подобный подход в рамках доктрины глобального доминирования является наследием колониалистской политики Европы.

Русская культура соединяет ценности христианской русско-византийской цивилизации, включающей идеи равенства людей перед Богом и социальной справедливости. В этом её уникальность.

Нам выпало жить в переходный период. Сегодня естественные пределы глобализации достигнуты. Ресурсы и возможности развития в рамках данной парадигмы исчерпаны. Речь идёт о том, чтобы выйти из этой ситуации с наименьшими потерями для всех. И условием этого выхода становится смена социальной модели. Необходимо создать новую модель прежде, чем старая разрушится окончательно, дабы избежать хаоса.

Вполне вероятно, что основой формирования новой парадигмы развития станет синтез левого (социального) и консервативного (традиционалистского) направлений мысли.

1. ИСТОКИ И КРИЗИС ГЛОБАЛЬНОГО НЕОЛИБЕРАЛИЗМА

Модель, которую США и мировой правящий класс навязали миру в 1990-е, предполагала контроль над местными элитами стран периферии за счёт эмиссионного ресурса доллара. Мировой кризис поставил под вопрос эту гегемонистскую концепцию. Отсюда склонность к агрессии и силовым методам принуждения. Однако эти методы не способны восстановить устойчивость системы и остановить процесс её распада. Если раньше пропагандировали лидерство ради стабильного миропорядка, то сегодня мировые финансовые элиты не в состоянии обеспечить выполнение привычных правил игры. Речь уже идёт о выживании ядра системы за счёт всего остального мира.

Когда бывший гегемон перестаёт быть рациональным и предсказуемым, это опасно для всех. Теперь от каждого отдельного народа зависит, станет ли он топливом для продления срока жизни обречённого геополитического проекта или получит право и возможность выбирать собственную судьбу.

В современной политике необходима позиция моральной правоты, но её одной недостаточно. Сегодня к успеху ведёт только выстраивание собственной концепции мира — мира после эпохи однополярности.

Такова общая геополитическая ситуация. А на политическом и идеологическом уровнях мы сегодня наблюдаем процесс радикализации либерального капитализма

и одновременно начавшуюся его самодеконструкцию. Существенными признаками этого процесса являются архаизация и структурное упрощение самой социальной системы, а также нарастание противоречий внутри обслуживающего её либерального идеологического дискурса.

В обществе наблюдается движение не вперёд, а как бы «назад» по исторической шкале. «Бремя белого человека» сохранено в виде эксклюзивных прав нынешнего мирового гегемона — финансового и цифрового интернационала, — но отменено в том, что касается обязанностей правящего класса перед обществом. Происходит резкое снижение планки социальных гарантий либерального государства. Отказ правящего слоя («элит») от социальных обязательств означает, что социальные «низы» теперь предоставлены сами себе.

Избавление от дорогостоящих обязательств как внутри, так и за пределами западного мира уже получило название «новой дикости» и «нового варварства». Искусственная «дикость» становится реальной дикостью. Это удобный способ избавить западное общественное сознание от чувства вины перед бывшими колониями и собственными социальными «низами», забыть об эффекте «бумеранга колониализма».

Говоря об идеологии, приходится отметить, что в условиях позднего капитализма разрушается смысловая непрерывность жизненного мира, теряют актуальность привычные теоретические модели в осмыслении общественных процессов. В условиях разрушения привычной социальной парадигмы приходится

переосмысливать базовые понятия: «современность», «секулярность», «религиозность», «гуманизм», «традиция». Например, сегодня невозможно создать монолитный и внутренне непротиворечивый образ современности.

В качестве альтернативной идеи либерализму можно противопоставить социальный традиционализм, в котором этика справедливости стоит на первом месте. Идеологическая дискуссия неизбежна и в рамках новой социальной и идеологической реальности, но она должна проходить в сфере традиционных смыслов, а не политических доктрин.

Либеральная идеология складывалась постепенно вслед за формированием экономической базы глобального капитализма. Сформировавшись, эта идеология превратилась в инструмент *легитимации* колониалистских военных, экономических и политических проектов. Поэтому практика либерализма всегда расходилась с его книжной теорией, будь то работы Дж. Локка, И. Канта или К. Поппера.

Процесс перерождения политической теории в узкофункциональный идеологический инструментарий в наиболее явной форме проявился в XX веке. Сегодня экспансия капитала по-прежнему сопровождается экспансией либеральной идеологии, её принудительным экспортом. Либерализм, задачей которого было оправдание сложившейся модели мировой экономики, постепенно охватил всё пространство социального знания, включив в себя другие теории на правах подсистем. Поэтому и либеральная теория, и соответствующая ей

социальная и политическая практика остаются до сих пор по-настоящему не отрефлексированными в рамках порождённых ими же самими норм научной рациональности.

Либерализм, помимо социально-экономической модели глобального капитализма, поддерживает и воспроизводит особый социогуманитарный режим. В рамках этого режима экспансия капитала направляется «внутри» личности, начинает претендовать на «всего человека» и пытается включить в пространство рыночного обмена сферу сакрального: религию, родину, семью, нацию. В центре этого феномена находится принудительный монетаризм, утверждающий, что любая ценность есть производная рыночной цены, и пронизывающий всё пространство социальных знаний и практик. Тотальность — важная особенность позднего либерализма, напоминающая прежние претензии коммунистической доктрины. Поэтому есть все основания использовать понятия «либерализм», «либеральная модель» по аналогии с понятиями «коммунизм», «коммунистическая модель» при описании мессианских амбиций либеральной доктрины.

Либеральный дискурс сегодня стал заглушкой для критического мышления, тормозом процессов обновления в обществе. Он всё чаще вызывает негативную реакцию у критически мыслящих интеллектуалов. Многие считают, что идейно этот дискурс уже девальвирован, хотя в политике пока ещё доминирует. Глубокая критика либерализма присутствует сегодня в пространстве как консервативной, так и левой мысли.

В конечном счёте смена устаревшей либеральной парадигмы, основанной на идеях радикального позитивизма и социал-расизма, неизбежна. Это означает изменение норм и моделей экономики, политики, социального поведения и социогуманитарного знания. Грядущим переменам будет сопутствовать и новое чувство истории.

2. ГЕНЕЗИС КОЛОНИАЛЬНО-КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ

С исторической точки зрения глобальный либеральный капитализм сформировался под влиянием двух процессов. Во-первых, географической и экономической экспансии, когда в мире установился контроль за торговыми путями. Во-вторых, экспансии военно-колониальной. Граница между этими процессами очень условна. Установив в колониальную эпоху политический контроль над экономикой, властные элиты продолжали строить и поддерживать архитектуру глобального капитализма, которая жива по сей день. Национальные рынки разных стран всегда были подчинены мировому рынку, связанному с морской торговлей, пиратством, военными захватами и колонизацией. Поэтому вряд ли корректно будет утверждать, что капитализм становился глобальным постепенно. Он с самого начала формируется как глобальный и именно в этом состоянии эволюционирует дальше. Условия для накопления капитала создаются в мировом масштабе силовыми методами, значительно обгоняя концентрацию капитала в «естественных» условиях абстрактного национального капитализма.

Идейный пафос либерального общества заключается в придании этому обществу статуса особой, передовой цивилизации. Правда, критерий такой «цивилизованности» всегда был и остаётся утилитарным. Западное общество действительно имело наиболее прагматичные и самостоятельные общественные институты, однако энергию этому развитию (как техническому, так

и социальному) сообщали ресурсы, которые выкачивались из колоний, а затем из стран экономической периферии. Намерение цивилизовать мировые окраины предполагалось осуществить, условно говоря, на деньги именно этих окраин. Но эта «услуга» оказалась фиктивной — до сих пор разрыв между «первым» и «третьим миром» не сокращается, а увеличивается.

Строго говоря, эта схема социальной сепарации — разделённого общества — известна с древности. Республиканская и демократическая формы правления в Риме и Греции были возможны при условии наличия рабов (бесплатный труд), на которых демократия и права римского гражданина не распространялись. Рабство служило экономическим двигателем античной демократии. Колониализм — это, по сути, форма рабовладения, ремейк ушедшей эпохи.

Все плюсы так называемого западного проекта оплачены средствами, накопленными в ходе колониальных захватов. Колониализм является драйвером либерального капитализма. Поэтому с самого начала капиталистическая практика порождает специфическую идеологию, основанную на мифе культурного превосходства.

3. МИФ ПРЕВОСХОДСТВА И ЛОГИКА КОЛОНИАЛИСТСКОГО ДИСКУРСА

Чаще всего миф колонизации включает в себя идеи «культурной катехизации», позволяющие оправдать военно-экономическое насилие.

Когда-то была совершена чудовищная подмена: за солдатом с мушкетом следовал священник с распятием, чтобы отобрать у туземцев их землю. Считалось, что территории некатолических народов — это *terra nullius*, «ничья земля». Так колонизация выдавалась за катехизацию. В остальном мире такая раздвоенность европейского сознания, разрыв между религией и реальной идеологией, вызывала и вызывает шок. Последствия этой подмены до сих пор не преодолены и не от-refлексированы коллективным западным сознанием, мера вины Запада до сих пор им не осознана.

Объект колонизации в сознании европейского колонизатора представлен в образе Другого. Конструирование собственной, европейской идентичности требовало проведения жёсткой границы — как территориальной и культурной, так и ценностной. Тот же самый принцип заложен в концепции глобального доминирования, «вторичной модернизации» и «демократических ценностей», которые де-факто делят нации на цивилизованные (доминирующие) и нецивилизованные (зависимые). Именно ценностные отличия оправдывают миф превосходства, который в XIX веке формулировался как «бремя белого человека». Таковы представления,

конструирующие европейскую идентичность в самих её основах, и эти основы — расистские.

Примечательно, что для русско-византийской «континентальной» цивилизации колониализм как родовая особенность в принципе не характерен. В Византии крепостное право исчезло уже к XII веку. В рамках внешней политики, в отличие от западного колониализма, практиковалась мягкая ассимиляция — включение в орбиту империи на общих правах. В России же крепостное право ужесточилось тогда, когда страна поменяла государствообразующую концепцию — вместо идеи неовизантийской преемственности была принята доктрина вестернизации на тяжёлых для народа условиях. После этого Россия заняла подчинённое место в мировом разделении труда в роли поставщика зерна на глобальный рынок: дворянская верхушка получала сверхприбыли от хлебной торговли. Это делало выгодным использование сверхдешёвого крестьянского труда и объективно укрепляло институт крепостного права. Таким образом, именно правящий класс и глобальная зависимость обеспечивали отставание России, архаизацию экономической и политической жизни. Закономерен и тот факт, что именно хлебная дворянская верхушка в марте 1917 года предала Верховного главнокомандующего.

Одним из проявлений неоколониализма в современной западной политике следует считать «ориентализм» — термин, принятый в разговоре о мировых окраинах. Адаптированный и предельно размытый образ Востока используется для легитимации собственного мифа исключительности, культурного и политического

мессианизма. Как Запад не способен предоставить Востоку возможность оставаться «патриархальным», не затронутым вестернизацией, так он не способен и допустить его полной ассимиляции. Для политических нужд западных элит оптимален как раз неопределённый, промежуточный статус Востока как «недозапада», поскольку именно такое положение обеспечивает извлечение цивилизационной ренты: вывоз капитала и утверждение культурной гегемонии. Навязывание фальшивой идентичности — обязательная часть неокOLONиализма.

Если отказ от большевизма произошёл сравнительно легко (причём задолго до крушения СССР), а большевистский период по историческим меркам не так уж долог, то Запад продолжает жить в колониалистской парадигме уже несколько веков.

4. РАЗВИТИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ФЕНОМЕНА НАЦИЗМА

С XIX века расистская идеология Запада представляла собой двухуровневую систему: британский стандарт и набор его континентальных и американских версий.

Исследователи Майкл Манн и Мануэль Саркисянц приводят данные об ужасающем количестве жертв на совести стран «первого мира», связанных с эпохами колониализма и нацизма. Они признают, что становление либеральных демократий сопровождалось этническими чистками, которые принимали масштабы геноцида. Но исследование указанных проблем молчаливо блокируется внутри западного научного сообщества. Так, например, изучение вопроса об использовании рабского труда «остов» (выходцев с восточных территорий) или идейной преемственности между британскими и германскими нацистскими идеологами (в частности, идея «расы господ») в современной Германии не приветствуется. Точно так же изучение последствий атомной бомбардировки Хиросимы не приветствуется в США.

Феномен германского нацизма, в сущности, представлял собой продолжение колониалистской политики в её худших проявлениях. В рамках своей политики Гитлер перенёс в Европу те методы, которые раньше применялись европейцами на окраинах мира. Центральная и Восточная Европа стали их объектом.

Европа в первый момент испытала шок от нацизма, но случилось это лишь потому, что европейский

обыватель обнаружил колониальное разделение людей на «высших» и «низших» не в Африке или Индии, а у себя дома. Сработал принцип колониалистского мышления: «там» — можно, «здесь» — нельзя. Именно идеологическая матрица колониализма играла основополагающую роль в политическом феномене нацизма и в отношении к нему.

Адольф Гитлер признавал, что его политика построена по британским образцам, грезил «восточной Индией» и говорил, что «восхищается английским народом», который «в деле колонизации совершил неслыханное».

Противостояние Англии и США с Германией было ситуативным, а не идейным, лишь после краха рейха в 1945 году оно было оформлено как борьба «демократии с тоталитаризмом», но англо-американские элиты всегда имели в виду иллюзорность этой «идеологии для бедных» и всевозможных мифов о денацификации.

Так, например, профессор Принстонского университета Стивен Коткин в своих лекциях открыто говорит аудитории, что Великая Отечественная была не выиграна, а проиграна Россией: капитуляцией стал вывод советско-российских войск из Германии и стран бывшего Варшавского договора, завершившийся к 1994 году: «Подобно армии Наполеона, российские войска отступили по тем же дорогам вглубь России в начале 90-х... Потребовалось много времени, но всё огромное здание Победы оказалось разрушенным в полноте времени».

В действительности для Британии и США именно Третий рейх был естественным союзником в достижении долгосрочных, а не краткосрочных целей. Поэтому

холодная война стала продолжением Великой Отечественной, дело Германии продолжали США и НАТО, аналогом Третьего рейха стал глобальный англо-американский мир. Сегодня англо-американская коалиция, подобно гитлеровской — в которую, напомним, входило более 20 стран, в основном европейских, — продолжает войну с Россией, исходя из ценностей атлантизма (радикальная форма протестантского модерна).

Новой войной в Европе вновь стала война между Россией и фашизмом — только фашизм на этот раз называется англо-американской «демократией». И якобы «денацифицированная» Германия в 2022 году поддержала неонацизм вместе со своим англо-американским союзником, как политически, так и поставками вооружений.

5. СОЦИАЛ-ТРАДИЦИОНАЛИЗМ КАК АЛЬТЕРНАТИВА НЕОЛИБЕРАЛИЗМУ, КОЛОНИАЛИЗМУ И МОДЕРНИСТСКОМУ ФУНДАМЕНТАЛИЗМУ

Уходящая идеология имеет свою сферу сакрального, которая частично уже утратила своё значение. Квазирелигия фундаментального модерна утверждала в качестве безусловной нормы преобладание в истории модуса несовместимости и разрыва над модусом преемственности. Причём ответственность за разрыв приписывается именно носителям традиционалистских взглядов. Таков парадокс фундаментального, бесконечно длящегося модерна. Приверженцы этой идеологии, как любые фундаменталисты, стремятся сделать свою версию истории эксклюзивной и безальтернативной. В связи с этим в рамках либеральной социологии понятие «традиционное общество» имеет негативную окраску и противопоставляется понятию «общество модерна». Такая дихотомия зачастую используется как мягкий вариант или эвфемизм понятий «варварство — цивилизация». При этом в массовое сознание активно вводятся элементы той традиции, которая связана с язычеством и различными видами фундаментализма. Это явление можно проследить на примере сектантских движений New Age, а также поддержки американским и европейским капиталом радикальных движений на Ближнем Востоке. Таким образом, ложная концепция как бы подтверждается негодными социальными и политическими практиками.

А между тем в мировой науке феномен модернизации давно уже не рассматривается как отрицание традиции. Линейная и изолирующая концепция традиции, построенная на противопоставлении ей современности как «рационального и прогрессивного» «нерациональному и отсталому», ушла в прошлое и уступила место идее диалектичности традиции.

Новое будущее может сформировать только «высокий» традиционализм. Под этим следует понимать не реставрацию теократического или монархического государства, но ценности, нормы и принципы, которые, с одной стороны, отложились в историческом опыте высокой культуры, а с другой — породили формы социума, препятствующие социальному расслоению и угнетению (общинные, солидарные и т. п.). В Европе этому условию удовлетворяет определённая часть христианской традиции, на Ближнем Востоке — ислама. Фактически «правый» и «левый» традиционализмы исключают друг друга. Первый стремится привести Запад к неоязыческому «новому Средневековью» без христианства. Второй стремится восстановить в правах отвергнутый проектом Просвещения христианский этический слой европейской традиции, включив его в современность в социально ориентированных формах, без фундаменталистских крайностей. К выбору между двумя основными формами традиционализма и сводится будущая «борьба за традицию».

Высокая традиция выступает как динамическая связь между прошлым и будущим, как социальный механизм, устранивающий исторические разрывы и конфликты. А для этого она должна включать в себя этику

эгалитаристского типа. Именно при таком условии традиция способна удовлетворить запрос на новый моральный консенсус. Кто выступит от имени традиции, тот и поведёт за собой общество. Задача приверженцев высокой традиции состоит в том, чтобы не отдать будущее во власть деструктивных нацистских, фундаменталистских элементов. Этот правый традиционализм стремится «изъять» традицию из потока истории. Он обнаруживает сходство с либеральным стилем мышления, поскольку пытается противопоставить «традицию» и «модернизацию» и ориентирован на разрыв традиции и истории, прошлого и современности.

Высокий традиционализм, напротив, стремится проследить историю как часть традиции и традицию как часть истории, он *трансисторичен*. В изучении традиции надо учитывать трансисторические связи, выйти за рамки музейного отношения к прошлому и рассматривать традицию не в отрыве от истории, а внутри истории.

Это и есть *социал-традиция*, совмещающая в себе ценности социальной справедливости и культурного, исторического суверенитета нации. Социал-традиционализм не имеет ничего общего ни с большевистской репрессивностью, ни с элитаризмом новых правых фундаменталистов и либералов, ни с такими понятиями, как «охранительство», «архаика», «патриархальность». Развитие, закрепление и воспроизводство социал-традиции происходит на основе ценностей социальной справедливости и идеала социального государства.

С точки зрения социал-традиционализма *традиция* — это совокупность способов сохранения историче-

ской преемственности, основанных на наделении этическим смыслом процедур наследования.

Конечно, социал-традиционалист — это охранитель, а не революционер. Но «охраняет» он именно традицию, а не те или иные госинституты, определённый общественный формат или партию власти. Для него отношение к власти вторично. Он государственный ровно в той мере, в какой государство следует традиционным ценностям общества и его историческим интересам. Социал-традиционализм свободен от политической догматики. Любая форма правления, будь то президентская или парламентская республика, любая форма объединения — унитарная империя, федерация или конфедерация — могут оцениваться лишь с одной-единственной точки зрения: насколько успешно они решают главную задачу — сохранение народа и его традиций.

Традиция предоставляет обществу единый исторический, культурный и символический ресурс, который никем в отдельности не может быть присвоен. В этом залог демократичности социал-традиционалистского общества — причём демократичности не только в сиюминутном политическом, но и в историческом аспекте.

Едиственный критерий реальной демократии — это принцип большинства.

Процедура партийного представительства позволяет узкому кругу определять судьбы миллионов, но это не отменяет противоположности интересов господ и рабов. Нельзя быть демократом и не уважать мнение 85% общества. Демократия — это власть народа, то есть приоритет интересов большинства с пропорциональным

учётом мнения меньшинства. Реальная демократия — это *мажоритарная демократия*.

Демократический традиционализм является условием формирования социал-традиционалистского *большого общества*, отношения внутри которого напоминают семейные. Этот принцип *общественной семейственности* предполагает не номинальный, а реальный учёт интересов будущих поколений и опыт поколений предшествующих, как проявление исторического *договора поколений*. Это один из главных принципов социал-традиции, в рамках которой только и возможен феномен «большого общества».

Большое общество предполагает и *большое государство*. Установление в обществе принципов взаимной ответственности не происходит само собой. Самопроизвольно возникает только гоббсовская «война всех против всех» и диктат центров капитала. Поддержание общества взаимной ответственности требует существования сильного государства, но это государство находится не за пределами общества, как при коммунизме и других идеократических режимах, а внутри него.

При нормальном функционировании *большого общества* роль государства сводится к его охране и поддержке. Это предполагает минимум прямого вмешательства, однако в периоды кризисов долг государства заключается в активном, а порой и директивном участии в социальном строительстве. Вряд ли здесь подойдёт опыт западных неоконсерваторов, которые, подобно Маргарет Тэтчер, отрицали сам факт наличия «общества». Не подойдут и либеральные рецепты, согласно

которым государство враждебно обществу и должно самоустраниться от общественных дел. Оба пути неэффективны. Государство не может подменять директивами социальную активность граждан, но оно может и обязано вмешиваться там и тогда, где и когда общество испытывает трудности.

Такой формат государственности связан в том числе и с идеей поддержания *социальной справедливости*, и эта связь имеет глубокие исторические корни.

6. РОЛЬ КАТЕГОРИЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ И СОЛИДАРНОСТИ В СОЦИАЛ-ТРАДИЦИОНАЛИЗМЕ

Проблему социальной справедливости, «разрыва между деньгами и трудом», пытались решать не только в рамках марксизма. Во всех культурах присутствует элемент этически обусловленного эгалитаризма. Но востребован он обычно в тех случаях, когда общество не имеет бесплатного источника ресурсов в виде колоний или зависимых экономических субъектов, то есть лишено несправедливой цивилизационной ренты. Желание собрать народы в такую иерархию, произвести градацию «человеческого материала» — вот что скрыто за идеями либерализма. Социал-традиционализм противоположен этой модели общества. Важным обстоятельством считается невозможность присвоения традиции как символического капитала: все к традиции равно причастны, всем она в равной степени известна. Эта установка соответствует общедоступности в понимании истины в рамках апостольского христианства и противоречит просветительским и либеральным трансформациям христианской традиции.

В рамках социал-традиционалистского большого общества идеи расовой, национальной, культурной или цивилизационной исключительности имеют нулевую применимость.

Как известно, идеи социального равенства и социальной справедливости имели большое значение для византийской общественной и богословской мысли. Здесь

можно напомнить о существовании школы Иоанна Златоуста, для которой идея социальной справедливости является одной из магистральных, или о слове «Против ростовщиков» Григория Нисского.

Если Макс Вебер рассуждал о протестантской этике и духе капитализма, то в рамках православной культуры, перефразируя известного учёного, можно говорить о том, что основу русской (русско-византийской) идентичности составляют *православная этика и дух солидарности*. Единство земного и небесного, соборности и солидарности, справедливости и спасения — характерная русская черта. Именно поэтому русская религиозность включает в себя обострённое чувство земной справедливости, любовь к униженным и оскорблённым, ярко описанную Ф. М. Достоевским, Н. С. Лесковым, В. Г. Короленко, А. М. Горьким и др. Социальная справедливость и равенство, к которым стремился советский строй, бесспорно, стали результатом не только усвоения марксизма, но и влияния православной этики, вытесненной в коллективное подсознание доктриной госатеизма и тем не менее дававшей о себе знать.

Русско-византийский мир — это мир, в котором люди не разделены на колонизирующих и колонизируемых, а в случае присоединения новых территорий они оказываются в рамках единого правового пространства. Такой менталитет включает в себя код «преобразования природы», сотворчество с высшим замыслом. В ряду специфических черт русско-византийской цивилизации требуют упоминания принципы соборности, а также отношение к общественной жизни как общему

деланию. Колониализм как родовая особенность изначально не соответствует характеру русско-византийской цивилизации. В Византии практиковалось включение в орбиту империи, а не подчинение других народов.

7. СОЦИАЛ-ТРАДИЦИЯ И РУССКИЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ТИП

Символическое ядро национальной традиции тесно связано с темой Константинополя, являющейся крайне важной для русского культурного мифа. Сегодня в общественном сознании аналогом Константинополя является образ Крыма и Херсонеса-Корсуни, который не случайно привёл к примирению бывших белых и красных и формированию в обществе «крымского консенсуса» как основы национальной консолидации.

Образ Константинополя-Херсонеса позволяет русскому сознанию удерживать связь с глубинным измерением собственной истории. Исторически Иерусалим и Константинополь — это духовная Родина, мостик между земным отечеством и отечеством небесным. Отсюда характерная для русской культуры вечная благодарность Византии и вечное чувство разлучённости с ней (отсюда правдоискательство, богоискательство и иные образы народной религиозной культуры). Именно русско-византийская традиция делает нас частью христианского мира, а не отношение к западным политическим проектам. Более того, именно она открывает России возможность исторического влияния на Европу. И наоборот: переоценка внешних политических и культурных «стандартов» лишает возможности влиять на облик Европы как целого, принимать участие в её будущем.

Для достижения полного общественного консенсуса необходимо взаимодействие разных кодов

традиции — православного, советского, русского дореволюционного — и взаимный перевод этих кодов в рамках единого русского дискурса. Без выполнения данного условия национальный консенсус не состоится, поскольку остаётся возможность противопоставлять эти коды друг другу, вызывая гражданские конфликты. В России сегодня развиваются новые элементы национальной идентичности, среди которых важную роль играют, с одной стороны, традиционная русскость, с другой — интернационализм, с третьей — христианские ценности и принципы социальной справедливости.

Можно дать развёрнутую формулу русской традиции и русской идентичности, состоящую из ряда компонентов. Это православная этика, социальная справедливость, социальное равенство, примат морали над правом, демократический централизм. Дореволюционный мир и мир советский, исторически сошедшие в непримиримой схватке, имеют тем не менее общие корни и одинаково отражают русскую идентичность. В её основе лежит императив поисков или построения «царства правды», где всякий человек нужен, никто не лишний, никто не строит своё счастье на несчастье другого, все объединены духовными узами и общими задачами. Образ Святой Руси как «сосуда истинной веры» и образ социальной справедливости, «общества равенства и братства» — разные проекции этой идеи, части одного целого. Цели общественного строительства (советский социализм) и коллективного спасения (соборность) — это расходящиеся вариации на одну и ту же тему. Секулярность и религиозность сменяют друг друга

в самых причудливых формах, идеология меняет знаки, а эгалитарная эсхатологическая матрица остаётся в русской исторической памяти. Она — неделимое целое.

Сегодня тема русской идентичности вызывает много вопросов. Постсоветская модель капитализма по всем параметрам, структурным и ценностным, является протестантской. Поэтому она находится в глубоком противоречии с реальным историческим опытом народа. Советская модель развития, скрепляемая идеей полиэтничной нации и социального государства, безусловно, является неотъемлемой частью русской традиции.

Похищение советского компонента русской идентичности осуществили постсоветские политические и культурные элиты. Важная часть исторического опыта народа была перечёркнута. Лозунг «десоветизации» объективно направлен не против отдельно взятого «советского», а против всей русской традиции и национальной исторической преемственности.

В постсоветской России поощрялся разрыв советского и антисоветского, секулярного и религиозного. На месте каждого такого разрыва возникает вакуум идентичности. Обществу предложено ощущение экзистенциальной пустоты. В этом состоянии народу легко навязать мифы о нём самом. К числу таковых можно отнести мифы о коллективной исторической вине, о неспособности русских к самоорганизации и их «генетическом рабстве».

Российскому обществу следует как можно скорее расстаться с сомнительными идеологемами исторической вины и коллективной вины. Они в принципе

нерелевантны в контексте актуальной политики и социального строительства, независимо от того, идёт ли речь о советском, российском, немецком, британском, американском прошлом. За неверные решения ответственные их заказчики и исполнители. Заслуги и достижения, напротив, принадлежат всему народу. Это важная исходная предпосылка, определяющая здоровое национальное чувство и в полной мере соответствующая принципам социал-традиции.

В последние годы укрепилось самосознание русских как единого, хотя и разделённого народа, как носителей общей идентичности. В эту идентичность уже не укладывается неолиберальное мировоззрение. Крымский фактор послужил базой для подлинной гражданской консолидации и привёл к появлению в России феномена «*крымского консенсуса*». Он же стал причиной подлинного воодушевления крымчан и материковых русских в период их воссоединения.

Сегодня в российском обществе происходит раскручивание «спирали пассионарности». И чтобы этот процесс оказался конструктивным, правящим группам необходимо возглавить его и осуществлять политическое целеполагание с позиций традиционных ценностей и интересов национальной общности. В этом случае возможно преодолеть духовный и психологический кризис в стране, консолидировать элиту и общество на единых основаниях и достойно ответить на исторические вызовы. Точка сборки этого проекта связана с признанием русских как разделённого народа и его права на воссоединение.

Президент Владимир Путин в 2014 году в Крымской речи заявил: «Русские — самый большой в мире разделённый народ». Исторический парадокс России состоит в том, что государствообразующий народ одновременно является разделённым народом. Без плана решения этой проблемы сегодня не может быть общенациональной идеологии. Прологом к воссоединению русских стало закрепление в общественном сознании понятия *русского мира*, которое ввёл в общественно-смысловое пространство Патриарх Кирилл. Русский мир — это территории компактного исторического проживания носителей русского языка и русской культуры. Определение русского мира основано на двух критериях. 1. Это совокупность людей, для которых, независимо от места проживания, русский язык и русская культура являются основными, то есть полученными в процессе воспитания. 2. Исключение составляют те, кто по тем или иным причинам сознательно относит себя к какой-либо другой нации.

Историческое объединение невозможно без осознания полной исторической картины жизни народа, включая героические и трагические стороны.

Геноцидом русских и дружественных нам народов являлись некоторые события 1914–1918 годов (в том числе связанные с существованием концлагерей Талергоф и Терезин), а также этническая война 1941–1945 годов. Следует помнить, что в Третьем рейхе войну с СССР считали «этнической» — в рамках плана «Ост» по зачистке «восточных территорий». Известно, что цифра потерь гражданского населения в годы войны огромна. Необходимо официально, на государственном уровне признать,

что русские — один из народов, подвергшихся геноциду в прошлом веке. Если евреи уже пережили свою Катастрофу, то русские продолжают переживать её. Русская Катастрофа, по всей видимости, должна получить собственное имя, имеющее корни в русской языковой традиции. Можно предложить слово «*плаха*» («эшафот», «место казни», *перен. разг.* — «смертная казнь»). Явление русского геноцида должно иметь своё название, без этого его невозможно ввести в научный и политический оборот. Только при условии признания факта геноцида мы сможем извлечь уроки из недавней и ныне совершающейся истории.

8. ПРОБЛЕМА РАЗРЫВОВ ТРАДИЦИИ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Не секрет, что произвольно выбранный отрезок на шкале русской истории нередко выглядит как отрицание ценностей предыдущего исторического периода.

Российская власть на протяжении трёх с лишним веков неоднократно запускала в стране сценарий прерывания традиции — бюрократическую «перестройку». Россия знала несколько государственных проектов: киевский проект торгового государства, московский «Третий Рим», петербургский и советский проекты, а также постсоветскую «энергетическую империю». Переход к каждому из них сопровождался историческим разрывом. Главная проблема русского общества и есть проблема исторических разрывов, или разрывов традиции. Среди наиболее наглядных исторических разрывов, или разрывов традиции, можно назвать церковный раскол, реформы Петра Первого, революцию 1917-го и события 1991–1993 годов. Есть и менее заметные, но долгосрочные разрывы, главный из которых — это разрыв правящих элит с русским коммунитарным православным сознанием и общиной как структурной единицей народного самоуправления.

Многие исследователи говорят о движении «коммунитаризма снизу», существующем в России с дореволюционного времени. Речь идёт о главной единице русского мира, не учтённой в бюрократических циркулярах, о форме народного самоуправления — об общине.

Воссоздать общинную структуру в рамках советского общества власть по большому счёту не смогла. В СССР создавалось «социальное государство», чья легитимность строилась именно на социальных гарантиях (уверенность в завтрашнем дне). Это могло восприниматься как подобие большой общины в новом, модернизированном качестве. Но результата невозможно было достичь только за счёт административных и распределительных мер, проводимых сверху. Этот подход в условиях растраты символических ресурсов и социальной базы оказался тупиковым. Он не мог запустить в обществе механизмы самоуправления.

В результате в начале 1980-х советский проект начал рушиться, причём трещины шли сверху вниз, от элиты к обществу. Элита не смогла воспроизвести себя. Вслед за этим русская коммунитарность подверглась системному разрушению в постсоветский период номенклатурного капитализма. Но окончательно разрушить общинную социальную матрицу в России не удалось.

На примере истории русской общины виден глубинный конфликт между демократией и экономическим либерализмом. Авторитарный либерализм в России, как и в любой периферийной стране, подавляет демократию. И наоборот: обеспечить демократию и социально-правовое равенство в странах периферии способен лишь жёсткий централизм (властная «вертикаль»).

Одни историки высказывают мнение о периферийном, другие — о полупериферийном статусе России в рамках мировой экономики. Субъективно мы, русские, ощущаем эту дилемму, когда видим, что

образовательный и культурный уровень большинства граждан России до сих пор превышает потребности примитивного компрадорского типа экономики, который навязан стране.

Политические элиты стремятся подровнять надстройку, привести систему в равновесие во имя эффективности — сокращения лишних, по их мнению, экономических издержек. Эта цель кроется за бесконечными разговорами об «оптимизации», «повышении эффективности», «инновациях». Государство-корпорация рассматривает высокий образовательный уровень населения, серьёзное искусство, фундаментальную науку как непрофильные активы. Роль экономической колонии предполагает сброс этих активов. Однако окончательно превратить Россию в страну третьего мира не удалось — в отличие, например, от Украины, вступившей в кабальный договор с ЕС и почти мгновенно опустившейся до состояния африканских стран.

9. ПЕРСПЕКТИВЫ СКЛАДЫВАНИЯ НОВОГО ПОЛИТИКО-ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО СПЕКТРА

Социализм и консерватизм — направления мысли, выступавшие в роли оппонентов идеологического либерального мейнстрима в течение последних трёх с половиной веков. Но сегодня, в условиях формирования новой политической культуры, основанной на идеях *аксиомодерна* и новом прочтении традиции, они получают новый смысл и играют иную роль, чем это было прежде.

История СССР — это попытка построить справедливое общество, исключив из него остальные (кроме справедливости) элементы русской традиции. Основой такого общества должен был стать пролетарский интернационализм, а на выходе должен был появиться «советский народ как новая историческая общность». О степени успешности этого проекта можно судить по тому, как быстро идеи пролетарского интернационализма были смыты волной местных национализмов в советских республиках после развала СССР. Справедливость без других элементов традиции не смогла привести к появлению устойчивой модели общества.

Катастрофы 1990-х годов не произошло бы, если бы Россия, отказавшись от коммунистической идеи, восстановила связь с исторической традицией. Но общественное мнение поверило в возможность общества без идеологии и без ценностей и в очередной раз избрало путь исторического разрыва.

Сегодня социалистическая (левая) мысль в России страдает странной смесью мании величия и комплекса неполноценности. С одной стороны, приверженцы социалистических и коммунистических взглядов не в состоянии изжить пораженческий комплекс после развала СССР. С другой стороны, коммунисты ортодоксального толка до сих пор находятся в плену идеологических шаблонов.

Современный социализм не надо путать с советской и тем более с коммунистической идеологией. Он не отрицает право на частную собственность, но выступает против доминирования крупного капитала и транснациональной финансовой олигархии, которые препятствуют реальной демократии. Такой социализм предполагает государство с широкими социальными гарантиями и экономическим суверенитетом. Разумеется, это возможно лишь при опоре на сильную административную «вертикаль» и традиционные модели социальной коммуникации — поэтому такой социализм выступает за национальное государство, активную социальную роль Церкви, укрепление института семьи и нравственных норм. Такой социализм связан с традиционализмом.

У консерваторов ещё более серьёзная проблема. Политический формат русской истории всегда делал проблемным отстаивание консервативной идеи. Русский консерватор до сих пор стоит перед проблемой самоидентификации: какие ценности отстаивать, что сохранять и «консервировать»? Ведь многое в нашей истории выглядит как отрицание ценностей предыдущего

исторического периода. Пока общество не определится с отношением к собственной истории, реальный консерватизм не сможет занять подобающее ему место в политической жизни.

10. ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО И ХРИСТИАНСКАЯ РЕПАТРИАЦИЯ

Мир знает две Европы. Одна, историческая, — это христианский мир. Вторая — военно-экономическая, существующая как мировой жандарм и выгодополучатель политики колониальных завоеваний. Исторические рамки этих двух феноменов не совпадают. Основы европейской христианской идентичности складывались в доколониальные времена. С наступлением эпохи колониальных завоеваний они начали утрачиваться, поскольку легитимация захватов земель, угнетения и уничтожения «варварских» народов неизбежно требовала корректировки христианской ценностной парадигмы. Христианское происхождение — это исконное качество европейских наций, которое нет необходимости «обретать» и которое никуда не может исчезнуть, поскольку принадлежит нации по праву рождения.

Перед Европой сегодня стоит задача вернуть свою идентичность. Это требует долгого и трудного «возвращения к себе», то есть *христианской репатриации*. Слово «репатриация» имеет здесь особый смысл — это возвращение в историю. Перед Россией проблема христианской репатриации стоит менее остро, но осложняется диктатурой влиятельных социальных миноритариев. С их точки зрения, никакие ценности не могут быть выше их рыночной цены. В выработке политического курса этот ошибочный взгляд, сформированный в рамках *рыночного фундаментализма*, доминировал и мог

привести к социальным потрясениям. Ситуация начала меняться в начале 2022 года, но для её положительного завершения понадобится определённое время.

11. ОБЩАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ «ТРАДИЦИЯ» В СОЦИАЛ-ТРАДИЦИОНАЛИЗМЕ

Социал-традиционализм не стремится что-то «законсервировать» и сохранить в неизменном виде. Вместе с тем невозможно что-либо изменить в современном обществе без учёта факторов мобильности, имманентных самой традиции и действующих «изнутри» неё. Вот почему в случае исторического разрыва поступательные изменения прекращаются: общество терпит крах, как это было в России в 1917-м и 1991-м.

Где нет «собрания» традиции, там есть разрыв с традицией — третьего не дано. И жёсткие исторические альтернативы, которые элита принудительно ставит перед обществом, — это всегда знак приближающегося или готовящегося разрыва.

Концептуализация понятия «традиция» до сих пор подвержена влиянию спекулятивно-оценочных факторов. Смысл этого понятия иногда по инерции, а иногда намеренно стремятся связать с мотивами «прошлого», «тёмного Средневековья», «неприятя нового». Такая трактовка традиции не имеет ничего общего с действительностью. Традиция — это не «любовь к прошлому», а понимание взаимосвязи между разновременными процессами, это гарантия преемственности в переходе от прошлого к настоящему и будущему. В этом смысле традиционализм направлен именно в будущее, поскольку он работает над образом будущего и над целеполаганием в настоящем, используя для этого исторический ресурс.

Традиция — не *предмет* реставрации, но *метод* социального и культурного строительства. Если бы в СССР не произошёл разрыв с традицией, индустриализация и урбанизация не потребовали бы коллективизации, уничтожения деревни и крестьянства как класса. Если бы такой разрыв традиции, как борьба с общиной в ходе аграрной реформы, не случился в начале XX века, вполне возможно, страна избежала бы и катастрофы февраля 1917 года, и радикального социального реформатирования в рамках советского проекта.

Подлинный традиционализм может быть задействован в любой стране, при любом образе правления и общественном строе. В этом отличие социального традиционализма от абстрактного консерватизма, который склонен к фетишизации тех или иных институтов прошлого, а не к укреплению исторической преемственности и социального генезиса.

Социал-традиция — это процесс социокультурной динамики, который имеет зоны устойчивости и изменчивости, то есть два ряда соположенных факторов. Отношения между ними требуют системного изучения.

В публицистике иногда можно встретить утверждение о том, что нацизм склонен к радикальным формам традиционализма. Это ошибочная точка зрения. Нацизм, как и любой вид расизма, в том числе социал-расизм, построен на принципе избирательности, отделении «высших» от «низших». Физическое уничтожение народов (русских, цыган, евреев и др.), физическое уничтожение людей социально неуспешных (ювенальная юстиция, например, позволяет контролировать «воспроизводство»

нежелательных социальных групп) или больных в равной мере отражают евгеническую точку зрения на людей, стремление улучшить человеческую «породу». Это не имеет ничего общего с традиционализмом, который основан на идее равенства людей перед высшими ценностями.

С такой же избирательностью расизм подходит к человеческой истории. Из всей традиции он выбирает только то, что соответствует героическим образам. Например, образы сверхчеловека Ф. Ницше, титанов Возрождения, фаустовские мотивы и сюжеты. Но, например, образы христианских святых не были приняты эстетикой Третьего рейха, которая считала христианское искусство проявлением упадничества. Впрочем, современный расизм в большей степени привязан к квазинаучным антропологическим концепциям, а не к мифологическим образам. Например, к возможности научно обосновать либо искусственно создать «более совершенный» тип личности, чем другие типы (концепция *high hume*). Расистские представления сегодня чаще всего восходят не к физикалистской антропологии и сочинениям Ф. Ницше, а к новейшим редакциям евгенических доктрин. Христианство, напротив, утверждает, что люди равны перед Богом, нет «высших» и «низших», господ и рабов.

Традиция — всеобщее достояние. Поэтому главный тезис социал-традиционализма заключается в том, что в обществе нет и не может быть лишних людей, у человечества в целом нет лишних народов, а в истории нет «лишних» времён. Даже советский период русской истории, несмотря на его радикальный отказ от традиции,

даёт возможность искать и исследовать в нём те элементы, которые сохраняют традиционные смысловые матрицы, пусть даже в искажённом виде.

12. СОЦИАЛ-ТРАДИЦИОНАЛИЗМ И МЕТОДОЛОГИЯ ТРАДИЦИОНАЛИСТИКИ

Традиция в её системном понимании выступает как динамическая связь между прошлым и будущим, как синтез концептов «наследования» и «проектирования», «сохранения» и «открытия», позволяющий устранить и предупредить исторические разрывы.

Системное понимание традиции рассматривает последнюю как двухконтурную модель культуругенеза, обладающую, в отличие от односторонне воспринимаемой «модернизации», контурами устойчивости и изменчивости и осуществляющую продуктивный синтез исторически обусловленного коллективного опыта.

С другой стороны, традиция может быть определена как коллективный паттерн деятельности, основанный на опыте наследования («трансмиссия культурного опыта и социальных практик»), в частности — на опыте языковой деятельности при условии понимания языка как социального института. В этой оптике воспринимается и описывается любая культурная динамика, в которой выделяются взаимные трансформации двух модусов коллективного опыта: модуса устойчивости (ценностный фундамент традиции) и модуса изменчивости (изменение исторических форм традиции).

В рамках такого подхода жёсткая дихотомия «традиционных» и «нетрадиционных» обществ представляется некорректной, основанной на идеологии исторического шовинизма.

Для разных обществ, культур и цивилизаций характерны разные сценарии «модернизации», поскольку многовекторность есть одно из свойств исторического прогресса. В развитии общества, избегающего как революционных скачков, так и колониалистской сегрегации, наблюдаются синтез и комбинирование различных элементов коллективного опыта. Эти синтез и комбинирование преобладают над однолинейной и стадиальной сменой «формаций», что отражено в принципах аутентизма и конвергентности традиционалистского понимания истории.

Характерный для модернистского историцизма линейный эволюционизм по существу является биологической метафорой, отсылкой к дарвиновскому «естественному отбору» и имеет низкую применимость в области традиционалистских социальных и культурных исследований.

Метод системного традиционализма служит эффективным средством теоретической интеграции знаний, накопленных в области традиционалистики и традициологии.

Методология традиционалистики требует установления логико-семантического соответствия ключевых понятий в сфере исследований традиции.

Например, универсализация понятия «модерн» делает неизбежной и универсализацию понятия «традиция», и наоборот: настаивание на приоритете множественных «традиций» ведёт к зеркальному представлению о множественности «модернов».

Сегодня уже очевидно, что идеологически и политически ангажированным течениям либеральной социологии

так и не удалось закрепить за понятием «традиция» устойчивые негативные коннотации и сохранить стереотип, утверждающий историческую неподвижность традиции. Но это только первый шаг к освобождению традиционалистики от внешних ограничений. Неоправданная генерализация философско-мировоззренческих оснований протестантского модерна требует большой системной работы по преодолению его идеологического влияния в целом — как на социальные науки вообще, так и на традиционалистику в частности. Эту задачу можно решить с помощью методологии системного социал-традиционализма.

Сакрализирующая функция традиции снижает экзистенциальное напряжение в обществе, снимает экзистенциальную фрустрацию, удовлетворяет потребность человека иметь смысл жизни.

Традиция нагружена разнообразным материалом, в который входят образно-семантические комплексы, символические единства, композиционно-содержательные схемы, а также нормы и правила оперирования всеми этими элементами.

Религиозно-аксиологические содержания составляют *ядро традиции*. Механизм воспроизводства традиции связан с бессознательными структурами языка, который является *высшим социальным институтом* — «институтом всех институтов».

Важные функции традиции связаны с селекцией коллективного опыта и его культурной трансляцией, а также с аутентификацией содержательных элементов этого опыта. Существенно то, что такая селекция происходит внутри традиции, а не вовне и не вопреки ей.

Аутентификация — это натурализация и историзация вещей и явлений, понимание их генезиса в интересах коллективного культурного опыта. Актуализация функций традиции в общественном сознании с помощью информационно-медийных средств и идеологических инструментов является её *рационализацией*.

Проблематика традиционалистики находится на стыке исследовательской активности целого ряда наук: культурологии, политологии, социологии, культурной антропологии, зарождающейся культур-теологии, религиоведения, филологии, этнологии и др. и поэтому требует междисциплинарного изучения.

Междисциплинарный статус традиционалистики (традициологии) определяет её многоаспектность. Традиционалистика (традициология) имеет следующие аспекты:

- методологический,
- религиозно-онтологический,
- аксиологический (нормативный),
- культурно-символический (семиотический),
- коммуникативный,
- эстетический,
- социально-экономический,
- политический и геополитический

и другие.

В России ещё в 1980-е были созданы теоретические основания традициологии и обозначены предметные границы этого направления, утвердилось употребление понятия «традиция» в широком значении,

как социально-культурной трансмиссии, а не как только лишь ритуалов, обычаев и иных локальных социокультурных феноменов. Вместе с тем была поставлена проблема: как избежать неограниченной экстраполяции понятия «традиция» вплоть до его отождествления с «культурой». Провести такую демаркацию помогало понимание традиции как когнитивной модели восприятия культуры изнутри самой культуры — её носителями.

Подчёркивалась некорректность противопоставления инновации традиции и утверждалась необходимость рассматривать инновацию как часть традиции в рамках диалектического взгляда на последнюю. Это позволяло связать между собой два вектора воздействия на традицию — внешний (актуальный социальный контекст) и внутренний, имманентный самой традиции и позволяющий ей развиваться.

Русский подход к традиции отличается от подходов многих (хотя и не всех) западных исследователей. Последние склонны воспринимать традицию с позиций социологии и догматически противопоставлять её культурно-исторической динамике либо отождествлять традицию с мифологиями и моделями поведения в рамках локальных культур. Между тем лишь интегративный, системный подход к традиции может связать эти полюса.

Русская традициологическая методология в целом отдаёт предпочтение комбинантным и полицентричным, а не антиномичным описательным моделям — отсюда нерелевантность жёстких дихотомий «традиция» — «современность», «цивилизация» — «варварство» и т. п.

Как в науке, так и в целом в культуре сегодня начинается переосмысление феномена традиционности и таких понятий, как «традиционализм», «фундаментализм», «ортодоксия», «аутентизм», «консерватизм», «модерн».

Нынешнее состояние мира может быть охарактеризовано как переходный период или период смены парадигмы — идеологической и социальной.

Неизбежен поворот к традиции, переосмысление сущности и роли традиции как ценностно опосредованной социальной связи поколений и преемственности их опыта. В общекультурном аспекте данный переход является формой разрешения кризиса позднего модерна и постмодерна в рамках *аксиомодерна* — продуктивного сочетания христианского универсализма и принципов классической рациональности.

Социал-традиционализм отражает стремление современных обществ вернуться к высшему призванию и магистральному пути истории, с которого им однажды довелось свернуть.

ОБ АВТОРЕ

Щипков Александр Владимирович, российский политический философ.

Ректор Российского православного университета св. Иоанна Богослова.

Профессор кафедры философии политики и права философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

Доктор политических наук. Кандидат философских наук.

Действительный государственный советник Российской Федерации 3 класса.

Заместитель Главы Всемирного русского народного собора.

Советник председателя Государственной Думы РФ.

Член Общественной палаты г. Москвы.

Научные монографии: «Христианская демократия в России» (2004), «Традиционализм, либерализм и неонацизм в пространстве актуальной политики» (2015), «Национальная история как общественный договор» (2015), «Социал-традиция» (2017), «Вопросы идеологии» (2018), «Экономика и общество» (2021), «Дискурс ортодоксии» (2021).

Книги: «Во что верит Россия» (1998), «Соборный двор» (2002), «Территория Церкви» (2012), «Религиозное измерение журналистики» (2014), «Бронзовый век России. Взгляд из Тарусы» (2015), «До и после политики» (2016), «Прямое высказывание» (2019).

Научное издание

Щипков А. В.

**Идеология социального традиционализма
(социал-традиция)**

Научный манифест

Редактор

Н. Колесникова

Верстка

С. Хидоятов

ИЗДАТЕЛЬСТВО

РПУ СВ. ИОАННА БОГОСЛОВА

Подписано в печать 09.01.2023
Формат 84x108 / 32. Усл. печ. л. 3,5
Тираж 200 экз.

ISBN 978-5-6049786-2-7

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, тел. 8(499)270-73-59